

Тайна, окутывавшая освобождение Сириуса, держалась в строжайшем секрете. Даже Гарри не знал о грядущем суде над своим крестным отцом. О предстоящем событии знали лишь сам Сириус, Амелия Боунс, Гавейн Робардс, Кингсли Шеклболт, Нимфадора Тонкс – теперь она была его самозванным целителем – и Тед Тонкс, который должен был исполнять роль законного мага на суде. Так было до самого утра, когда, за мгновение до начала процесса, когда Гарри и Гермиона уже покинули комнату, чтобы их сняли с камер, она – та самая, чье имя пока не раскрывалось – проскользнула в зал. Затем она вызвала в свой кабинет авроров, которые также должны были присутствовать на суде, и провела с ними инструктаж. Сириус, уже несколько раз встречавшийся с Эдвардом Тедом Тонксом, был все больше впечатлен этим человеком. Он решил, что на время суда Тед станет его законным магом, и – пока это было тайной для всех, включая самого Теда – по завершении процесса назначит его законным магом Дома Блэков. Сириус понятия не имел, кто сейчас исполняет эту роль, но знал, что этот человек не справился со своей задачей, не обеспечив Сириусу правосудия с самого начала. Он подозревал, что Малфой замешан в этом. Первым на рассвете, как и ожидалось, был суд над Корнелиусом Фаджем. Гарри и Гермиона проводили в зал суда как раз в тот момент, когда туда входили члены Визенгамота. За три дня до этого мадам Боунс сама отправила Фаджу сову с извещением о суде. В этом уведомлении она также сообщила, что, если он не явится на суд лично до 9:00 утра этого же дня, его будут судить заочно. И, соответственно, он не сможет защищаться. Более того, если он не появится и будет признан виновным в любом из преступлений, в которых его обвиняли, то будет считаться, что он сбежал из-под стражи. Затем она напомнила ему, что именно он по своей собственной воле приказал дементорам выследить Сириуса Блэка и немедленно применить к нему «Поцелуй» только потому, что тот «сбежал из-под стражи». Она ожидала, что этого будет достаточно, чтобы он предстал перед судом, и оказалась права. Когда главный судья, мадам Августа Долгопупс, до сих пор не покинувшая пост регента Дома Лонгботтомов, стукнула молоточком и потребовала: «Обвиняемый, мистер Корнелиус Фадж, выйти вперед», с галереи для посетителей почти неохотно вышел мужчина, такой же тучный, как и сам Фадж. — А кто вы, сэр? – спросила она. — Министр Корнелиус Фадж, – ответил он. — Я принял полиджкой, чтобы обеспечить себе безопасное прибытие, прежде чем кто-то попытается убить меня... снова. — Опять? – спросил Долгопупс. — Кто-то пытался проникнуть в мой дом без приглашения в ночь моего... ареста... шесть дней назад, – ответил он. — Я сообщил Амелии совой, что в целях собственной безопасности немедленно переезжаю в известное только мне убежище. Долгопупс повернулась к Амелии, строгая женщина кивнула в ответ и сказала: — Я была проинформирована. Повернувшись к Фаджу, она сказала: — Очень хорошо. Присаживайтесь. И указала на кресло обвиняемого, украшенное золотыми цепями. — По крайней мере, у вас хватило чести явиться сюда сегодня. Несмотря на страх, который отражался в глазах Фаджа, он все же направился к стулу и сел. Как только он это сделал, цепи ожили и крепко пристегнули его к стулу. Он тихонько вскрикнул и слегка подпрыгнул. После этого суд над Фаджем прошел довольно быстро. В каждом из воспоминаний Гарри, как и в первом задании, было показано поведение Фаджа, когда ему сообщили о невиновности Сириуса. Вместе с другими воспоминаниями неохотно подчинился и сам человек. Суд быстро двигался вперед. Гарри и Гермиону не просили давать показания, но они были готовы к этому в случае необходимости. Их уже предупредили, что на всякий случай они будут присутствовать на каждом процессе, где будут показывать эти воспоминания. Они сидели вместе в стороне от публики и СМИ. За ними наблюдали два аврора, Робардс и Хаммер, которые осматривали зал в поисках неприятностей. Оба подростка не обратили внимания на то, что они находятся рядом с дверью, ведущей из зала, но не в какое-либо известное им общественное место. Гарри подозревал, что она ведет в помещение для членов клуба, расположенное за ярусами. Когда зачитали обвинения, стало ясно, что мужчина с ними не знаком. Он сразу же признал себя виновным по всем пунктам, кроме одного. Это обвинение касалось получения взятки. Маг закона Фадж получил четкий приказ не слишком сопротивляться обвинениям, рассматривать только доказательства получения взяток и

пытаться прояснить ситуацию только в тех случаях, когда, по его мнению, доказательства были искажены. На прямой вопрос о том, почему он не признал себя виновным в получении взяток, он ответил, что не считал их таковыми и твердо верил, что это были пожертвования на каждую из его кампаний по переизбранию по мере их возникновения. Однако он признал себя виновным в том, что не сообщил о доказательствах, свидетельствующих о невиновности Сириуса Блэка. Но при этом он смягчил свою вину, сказав, что, хотя об этом заявили три подростка, не предоставив собственных доказательств, мастер окклюменции сообщил ему, что, по его мнению, эти трое находятся под действием чар Конфундуса. А второй маг позже сказал ему, что считает так же. На вопрос, кто эти двое, он ответил:— Первым был Северус Снейп, а вторым – Альбус Дамблдор. Это заставило Гарри чуть ли не зарычать от злости. Гермиона только всхлипнула и, прислонившись к плечу Гарри, тихонько заплакала. Было очевидно, что свидетельство Фаджа вбило еще один гвоздь в гроб ее уважения к старику. Сама того не зная, она все еще надеялась, что действия Дамблдора были непреднамеренными или неправильно истолкованными. Доказательства Фаджа сожгли эту несбыточную надежду.— Вы ведь знали, что в то время, когда вы приказали вызвать дементоров, чтобы применить «Поцелуй» к Сириусу Блэку, он уже был под стражей, – настаивал Долгопупс, – и что он также являлся Лордом, представляющим благородный и древнейший Дом Блэков? Фадж заметно сглотнул и начал слегка дрожать.— В то время это... не приходило мне в голову.— Учитывая, что в то время вы занимали самый высокий политический пост в магической Британии, мне очень трудно в это поверить, – промурлыкала она в ответ. — Однако у нас нет никаких доказательств того, говорите вы правду или нет.— Незнание этого не является защитой, главный судья Долгопупс, – вставил прокурор Скримджор.— Нет, не является, – кивнул Долгопупс.— Однако, если он действительно не знал, это можно объяснить, — прозвучал голос одного из членов Визенгамота.— И все же доказательства были в его распоряжении, — возразил Скримджор, его тон был тверд и непримирим. — Хотя от несовершеннолетних нельзя требовать клятвенных заверений в истинности их словесных высказываний, они могут дать воспоминания.— Воспоминания можно подделать, — возразил защитник-юрист, его голос звучал хладнокровно.— Только те, кто сам является Мастером Окклюменции, — парировал Скримджор. — И если вы утверждаете, что они магистры Окклюменции, то вы также должны признать, что они не могут находиться под чарами Конфундуса. Вы не можете утверждать ни того, ни другого.— Увы, такие воспоминания не были предложены в то время, — возразил защитник, его тон был упрям.— И не просили, — добавил Скримджор, его взгляд был ледяным.— Хватит! — огрызнулся Долгопупс, его голос был полон раздражения. — Этот спор ни к чему не приведет. Судебное заседание закончилось почти через полтора часа. Атмосфера в зале была накалена до предела. Приговор был суров: Фаджа лишили должности министра, запретили занимать любые должности в Министерстве, лишили права заседать в Визенгамоте в любом качестве, а также назначили штраф в размере ста тысяч галлеонов и заключение в крыло лёгкой охраны Азкабана без дементоров на пять лет. -==oIo)=-~